

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Черленок

ЧЕРЛЕНОК
Евгений Александрович

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Специальность
07 00.06
археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт -Петербург
2005

Работа выполнена на кафедре археологии исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Савинов Дмитрий Глебович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Кияшко Алексей
Владимирович

кандидат исторических наук Шарафутдинова Эльза Самуиловна

Ведущее учреждение: Государственный Эрмитаж (Отдел археологии
Восточной Европы и Сибири)

Защита состоится «20» мая 2005 г.
в 16 часов на заседании диссертационного совета К.212.232.06
по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук
при Санкт-Петербургском государственном университете (199034,
Санкт-Петербург, Менделеевская линия,5).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.
Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан «14» апреля 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Беляева В. И.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Археологические памятники Поволжья и Южного Зауралья начала эпохи поздней бронзы (2000-1800 гг. до и. э., по С14) вызывают интерес исследователей в связи с рядом проблем не только специфически археологического, но и культурно-исторического характера. Общество этого времени достигло сравнительно высокого уровня развития, о чем свидетельствуют сложный и богатый погребальный обряд, а также наличие укрепленных поселений, построенных по единому плану. Находки здесь первых в северной Евразии колесниц позволили развернуть дискуссию по поводу места появления этого вида транспорта, сыгравшего столь важную роль в боевых действиях на Древнем Востоке. По мнению некоторых видных исследователей боевая колесница появилась в центрах древних цивилизаций в связи с миграциями ииндоиранцев, которые изначально занимали территорию волго-уральских и казахстанских степей (Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977; Генинг В. Ф., 1977; Кузьмина Е. Е., 1994).

В последние 10-15 лет на территории Волго-Уральского региона были выделены новые культурные группы памятников: синташтинская, покровская и потаповская. При их характеристике используются различные термины «культура», «культурный тип», «этап». В качестве рабочего термина в диссертации принято определение «культурный тип» (в дальнейшем - КТ). Впервые это понятие было введено в археологическую литературу для выделения потаповских памятников. В целом оно «маркирует» такой *этап в развитии наших знаний* о культурной группе, когда накопившийся материал, с одной стороны, демонстрирует большую степень сходства с другими культурными образованиями, а с другой не позволяет отнести данные памятники ни к одному из них (Васильев И. Б. и др., 1994, с. 54).

Анализ погребального обряда рассматриваемых культурных групп в основном проводился в рамках отдельных регионов (Малов П. М., 1992; Семенова А. П., 2000; Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1992, 1994, 1995; Епимахов А. В., 2002; Ткачев В.

В., 2003). В то же время отчетливо выражена тенденция к их объединению в единый «хронологический горизонт», «культурный пласт» или «блок культур». Этот подход наиболее выразительно отражен в работах В. С. Бочкарсва, сформулировавшего понятие Волго-Уральского очага культуругенеза, ядром которого являлся «блок культур»: покровской, синташтинской и петровской (Бочкарев В. С, 1991, 1995). Таким образом, предшествующие исследования подготовили почву для сравнительного анализа различных культурных групп, хотя такая работа в полной мере еще не была проделана.

Основной целью работы является характеристика погребального обряда памятников синташтинского, потаповского и Покровского культурных типов средствами сравнительного анализа.

Для достижения этой цели на разных уровнях исследования решаются следующие *задачи*. На начальном этапе - описать отдельные черты погребального обряда (например, ориентировку погребенных или обращение с какой-либо категорией сопроводительного инвентаря). На следующем этапе - сравнить описанные черты между собой. На заключительном этапе исследования - дать общую характеристику погребального обряда отдельных КТ и интерпретацию причин сходства и различия между ними.

Структура работы отражает сложившуюся традицию изучения погребального обряда и иерархию поставленных задач. Диссертация состоит из введения, историографической главы, пяти аналитических глав, заключения, таблиц и рисунков. В каждой аналитической главе выделяются разделы, посвященные анализу отдельных черт погребального ритуала. Последняя глава работы посвящена обобщению выводов, сделанных в предшествующих разделах диссертации, и вопросам интерпретации.

Источниками для написания диссертации послужили опубликованные работы, а также архивные материалы Института истории материальной культуры РАН, археологической лаборатории Челябинского государственного университета и

Института истории и археологии Поволжья (Самара). Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность сотрудникам этих учреждений за благожелательное творческое отношение в процессе сбора фактического материала. Особая благодарность старшему научному сотруднику НИМК РАН В. С. Бочкареву, чьи постоянные консультации оказали мне неоценимую помощь на всех этапах написания данной работы.

Основным методом исследования является сравнительно-исторический метод, а также статистико-комбинаторный и типологический.

Научная новизна диссертации вытекает из цели работы и поставленных задач. Впервые погребальный обряд начала эпохи поздней бронзы изучается всесторонне средствами сравнительно-исторического метода с акцентом как на общие черты, так и на характерные особенности каждого КТ.

Практическая ценность работы. Диссертация может быть использована для разработки учебных курсов по эпохе бронзы и истории Волго-Уральского региона, при создании и корректировке базы данных по памятникам различных КТ, при написании научных работ как общего, так и регионального характера.

Апробация. Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры археологии исторического факультета СПбГУ, теоретическом семинаре «Теория и методология архаики» в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и на 9-ой ежегодной встрече Европейской ассоциации археологов (С-Петербург). Основные положения диссертации отражены в 4 публикациях автора.

Содержание работы

Введение. Посвящено обобщенной характеристике КТ начальной поры эпохи поздней бронзы и описанию *выборки* памятников, использованных для анализа (412 погребений, расположенных в 104 некрополях 45 могильников).

Памятники покровского КТ Поволжья представлены 167 погребениями, которые были обнаружены в 78 некрополях. Они достаточно равномерно распределены между тремя областями: Волгоградской, Саратовской и Самарской.

В работе использованы данные по 42 потаповским погребениям, расположенным в 7 некрополях Потаповского и VI Утевского могильников (Нефтегорский и Красноярский районы Самарской области).

Выборка по памятникам синташтинского КТ составляет 203 погребения, сосредоточенных в 19 некрополях. Большая часть могильников находится на юге Челябинской области в Кизильском, Каргалинском, Троицком, Брединском и Варненском районах. Могильник Танаберген И расположен южнее, в Актюбинском районе Актюбинской области республики Казахстан.

Глава I. История изучения. Раскопки Покровского и Синташтинского могильников явились яркой страницей отечественной археологии эпохи бронзы (Рукон Р., 1927; Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992). Синташтинские памятники были отнесены к петровской культуре (Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977), а покровские курганы включались в различные хронологические схемы развития срубной культуры (Кривцова-Гракова О. А., 1955; Качалова Н. К., 1985). Революционным скачком в осмыслении памятников начальной поры эпохи поздней бронзы можно считать начало 90-х годов. Н. М. Малов на обширном фактическом материале обосновал гипотезу о покровской археологической культуре (1992). На территории Среднего Поволжья был выделен потаповский КТ (Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1992), а в Южном Зауралье - синташтинская археологическая культура (Зданович Г. Б., 1995). В рамках этих новых культурных групп начинается поиск основных стереотипов погребального обряда и их всесторонняя интерпретация (происхождение и судьба, семантика, структура общества).

В Поволжье на первый план выходят вопросы определения места потаповских и покровских памятников в системе культур бронзового века. В противовес изначальному пониманию памятников потаповского КТ, как обособленной культурной группе, было высказано мнение об их принадлежности к синташтинской культуре (Бочкарев В. С, 1995; Отрошенко В. В., 1996). При этом необходимо отметить, что часть погребений Потаповского могильника некоторыми исследователями были отнесены к предшествующей эпохе средней бронзы (Отрошенко В. В., 1996; Кияшко А. В., 2002). Покровская группа памятников в настоящее время рассматривается неоднозначно: как особая археологическая культура (Н. М. Малов), как поздний этап Доно-Волжской абашевской культуры (А. Д. Пряхин) или как начальный этап развития срубной культурно-исторической общности (А. П. Семенова).

В Южном Зауралье для поиска основных стереотипов погребального обряда создана база данных по синташтинским погребальным памятникам (Епимахов А. В., 2002). Важным шагом для изучения синташтинской культуры стало введение в научный оборот целого ряда ярких комплексов, происходящих с территории Оренбуржья и Северо-Западного Казахстана (Ткачев В. В., 2003). В настоящее время многие исследователи считают, что одной из существенных основ синташтинской погребальной традиции был погребальный обряд степных культур финала эпохи средней бронзы, а петровская культура признается прямой наследницей «Синташты» (Епимахов А. В, 2002; Ткачев В. В., 2003; Виноградов Н. Б., 2003).

Основой семантической интерпретации погребальных памятников, как правило, является гипотеза о принадлежности носителей синташтинской и покровской погребальной традиции к индоиранцам. Исходя из этой гипотезы, интерпретируются как отдельные черты погребальных памятников, так и социальная структура общества (Генинг В. Ф., 1977; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977; Малов Н. М., 2003). Несколько иной подход продемонстрировал В. В. Отрошенко (1990), который для

реконструкции идеологических представлении племен срубной культуры (включая покровские памятники) опирался на концепцию погребального обряда как одного из обрядов «перехода» (А. ван Геннеп, В. Пропп). Индоевропейские параллели играли в данном случае лишь вспомогательную роль.

Еще до выделения синташтинской культуры была выдвинута гипотеза о существовании в синташтинско-петровском обществе особой страты воинов-колесничих (Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977; Зданович Г. Б., 1988). В начале 90-х годов В. С. Бочкарев обосновал концепцию Волго-Уральского очага культурогенеза, начальным этапом развития которого были синташтинские, потаповские и покровские памятники (1991). Творцами основных стереотипов культуры этого времени была колесничая аристократия, а само общество достигло уровня вождеств (социумов с обособленной верхней «стратой»). С этого времени поиск критериев для выделения элиты и ее характеристика становятся одним из наиболее частых аспектов изучения погребального обряда на всей территории Волго-Уральского региона.

В Южном Зауралье, в противовес гипотезе о вождеском характере синташтинской культуры, Д. Г. Зданович предложил концепцию «синташтинского протополиса», для которого характерна слабая выделенность элиты из окружающей социальной среды (1997). В Поволжье многие исследователи представляют социальную структуру покровского общества исключительно сложной, часто имеющей несколько уровней иерархии (Малов Н. М., 1991; Цимиданов В. В., 1997; Мамонтов В. И., 1996). Основанием для такой интерпретации является мнение о высокой социальной значимости той или иной категории сопроводительного инвентаря. В то же время существуют работы, в которых все погребальные памятники разделяются лишь на две группы: элитные и рядовые (Семенова А. П., 2000).

Глава 2. Погребальное сооружение. В диссертации рассмотрены 4 основных параметра погребального обряда:

характер некрополя, конструкция погребальной камеры, глубина могильной ямы, длина и ширина погребения.

Характер некрополя. Исходя из количества захоронений и наличия или отсутствия насыпи над ними, все некрополи начальной поры эпохи поздней бронзы разделены на три группы: грунтовые могильники; курганы, включающие в себя несколько погребений с единой насыпью над ними; курганы, включающие в себя одно, реже два погребения.

Основные различия между покровскими и синташтинскими памятниками заключаются в разном соотношении «коллективных» курганов и маломогильных погребальных комплексов. В «Покровске» доля погребений маломогильных некрополей составляет 44 %, в «Синташте» она ничтожно мала (5 %). Потаповские памятники по организации некрополей больше походят на погребальные комплексы синташтинского КТ. Большая часть могильных ям сосредоточена здесь в пределах многомогильных курганов (95%).

Конструкция погребальной камеры. На основании характера крепления перекрытия все погребальные камеры разделены на две группы. Для первой характерно расположение накатника «поверх» могильной ямы. Во втором случае перекрытие находилось внутри могильной ямы. Для его закрепления применялись различные средства: выемки в стенках ямы, специальные ступеньки, столбы, деревянный сруб.

Во всех культурных группах зафиксированы погребальные камеры, перекрытия которых располагались внутри могилы. Однако в «Синташте» других форм конструкции не обнаружено, в то время как в «Покровске» погребальная камера чаще всего состояла из перекрытия, опирающегося на стенки могильной ямы.

Глубина могильной ямы. Для всех рассматриваемых КТ характерно устройство могильных ям небольшой и средней глубины (до 2 метров). Эта черта погребального обряда фиксируется в большинстве синташтинских и Покровских памятников, а также в Потаповском могильнике. Особенностью некоторых синташтинских некрополей является устройство, наряду

с неглубокими и средними по глубине могилами, погребений, глубина которых превышает 2 и даже 3 метра (Синташта, Кривое Озеро, Танаберген 2). В покровских памятниках такие глубокие могильные ямы, как правило, не встречаются.

Небольшая выборка не позволяет сделать определенные выводы по поводу глубины могильных ям потаповского КТ. Все проанализированные погребения, хотя и являются неглубокими, но происходят из одного могильника (Потаповский). Поскольку устройство неглубоких могильных ям характерно как для покровских памятников в целом, так и для некоторых синташтинских могильников, эта черта погребального обряда не выделяется на общем фоне.

Длина и ширина могильных ям. Обычно при анализе такого рода за длину принимается продольная сторона *погребения*, а за ширину его короткая торцовая сторона. В данной работе длина - это размеры параллельных *погребенному* стенок могильной ямы, а ширина - размеры перпендикулярных ему стенок. Отказ от традиционного понимания указанных критериев связан с тем, что в рассматриваемых памятниках погребенные часто располагались «поперек» ямы.

Основным критерием для выделения типов в данном случае является длина погребения. На основании корреляции длины могилы, с одной стороны, и возраста погребенного и наличия/отсутствия колесницы в погребении, с другой, выделяются три типа могильных ям. В могильных ямах первого типа совершались детские захоронения, второго - взрослые, третьи предназначались для погребений с колесницей («Синташта») или псалями («Покровск», «Потапово»).

На основании корреляции между шириной могильной ямы и количеством погребенных в ней людей выделяются два варианта могил. В вытянутых могильных ямах (длина больше ширины), как правило, совершались одиночные захоронения. Подквадратные или широкие ямы предназначались для коллективных захоронений.

Размеры могильных ям синташтинского типа в целом связаны с необходимостью размещения в них тела ребенка или более

крупного тела взрослого человека, захоронения нескольких погребенных или установки колесницы. Это означает, что размер могилы являлся зависимой от этих практических соображений чертой погребального обряда.

Б покровских и потаповских памятниках ситуация иная. Дети здесь также, как правило, захоранивались в маленьких могилах, а взрослые в погребениях более крупных размеров. На этом фоне выделяются крупные могильные ямы с псалями. В них обычно совершались одиночные захоронения, колесница не устанавливалась и поэтому образовывалась избыточная площадь.

Глава 3. Обращение с погребенным. Глава посвящена анализу четырех параметров погребального обряда, связанных непосредственно с погребенным: ориентировке, соотношению коллективных и индивидуальных захоронений, расположению и позам умерших людей в индивидуальных и коллективных могилах.

Ориентировка погребенного. В синташтинских погребениях в западный сектор в целом было ориентировано 53 % погребенных, в потаповских - 68 %; т.е. ориентировки погребенных в этих КТ схожи между собой. В Покровских памятниках ситуация иная: в западном, юго-западном и северо-западном направлениях было направлено ничтожное количество погребенных (6 % от общего количества учтенных случаев).

Необходимо также отметить высокую степень стандартизации ориентировок покровских костяков. Всего в северном и северо-восточном направлениях здесь было ориентировано 82 % погребенных. В памятниках потаповского и, особенно, синташтинского типа, хотя и можно выделить в качестве преобладающей ориентировку в западный сектор (запад, северо-запад и юго-запад), но разброс значений по остальным направлениям остается довольно высоким (соответственно, 32 и 48 %).

Индивидуальные и коллективные захоронения. Памятники потаповского и синташтинского типов схожи между собой по процентному соотношению индивидуальных и коллективных

погребений. Покровские же памятники отличаются от синташтинских и потаповских. Подавляющее количество раскопанных здесь могильных ям, содержали останки индивидуальных захоронений.

Поза и расположение погребенных в индивидуальных могильных ямах. Преобладающей традицией во всех изучаемых культурных образованиях является захоронение покойного по обряду ингумации на левом боку скорченно (71 % - «Синташта», 85 % - «Покровск»). Различия между синташтинскими и покровскими памятниками ярко выступают при сравнении «аномальных» для того и для другого КТ форм обращения с телом умершего. В «Синташте» доля «нетрадиционных» форм составляет 29 %, при этом подавляющее количество погребений демонстрирует вариативность в рамках господствующего обряда ингумации: погребенные укладываются на правый бок скорчеино, вытянуто и скорченно на спину. В «Покровске» ситуация принципиально иная. Здесь большинство «нетрадиционных» погребений не связано с обрядом ингумации, а демонстрируют другие формы обращения с телом умершего: захоронение символического погребенного, вторичные захоронения и особенно трупосождения на стороне.

Количество, поза и расположение погребенных в коллективных могильных ямах. Общей чертой, характерной для всех изучаемых КТ, является наличие одинаковых принципов, согласно которым «конструируется» коллективное погребение. В подавляющем большинстве случаев умершие располагаются в ряд лицом к затылку другого и ориентированы в одну сторону. Иногда встречаются костяки обращенные лицом друг к другу. Важно также отметить, что во всех КТ представлены могильные ямы, в которых были захоронены 2-4 человека. В синташтинских памятниках важную роль играла традиция захоронения в одной могильной яме большого количества умерших (4-8 человек). Эта особенность синташтинских коллективных погребений особенно ярко выделяется на фоне полного отсутствия в «Покровске» совместных захоронений 5 и более человек, а также незначительного числа погребений с останками 4 умерших. Традиция совершения

коллективных погребений потаповского КТ ближе к снигаштинской, нежели к покровской. На это указывает, кроме общей для всех КТ организации коллективного погребения то, что в потаповских памятниках встречаются совместные захоронения большого количества погребенных (6 человек).

Глава 4. Погребальный инвентарь. В диссертации проанализированы данные по 25 категориям погребального инвентаря. Особо рассмотрены 8 категорий (тесла, ножи, крючки, наконечники стрел, навершия булав, псалии, колесница, копья). В работе специально не рассматривается керамика, изучение которой требует специального исследования. Кроме того для характеристики погребального обряда, связанного с этой категорией инвентаря, исключительно важно содержимое сосудов. В настоящее время такого рода химических анализов пока еще недостаточно.

Булава. Выборка состоит из 17 предметов (10 - «Синташта», 6 - «Покровск», 1 - «Потапово»). Имеющиеся в нашем распоряжении антропологические определения (4 индивидуальных погребения) позволяют предположить, что навершие булавы являлось мужским атрибутом. В 12 случаях достоверно установлена позиция булавы относительно умершего. Выделяется два варианта расположения этой категории инвентаря: перед лицом или возле рук погребенного и за его спиной. На основании данной выборки можно сделать предположение, что перед лицом навершие булавы в основном укладывалось в одиночных, а за спиной в коллективных погребениях.

Колесница. Выборка состоит из 14 погребений. Все случаи относятся к памятникам синташтинского КТ. В потаповских и покровских погребальных комплексах достоверных свидетельств установки колесницы не зафиксировано. Профессиональное антропологическое определение сделано лишь для одного индивидуального погребения (Кривое Озеро, 9/1 - мужчина в возрасте 50 лет). Нам известно 5 захоронений, где было зафиксировано расположение колесницы относительно умершего

человека. Во всех случаях ямки для колес колесницы располагались «в ногах» погребенного.

Копии. Выборка состоит из 22 наконечников копии. Кроме синташтинского, потаповского и покровского КТ, в нее вошли наконечники из покровских памятников бассейна Дона, а также погребений петровской и алакульской культур. Антропологические определения сделаны для двух погребений. В обоих случаях копьё сопровождало захоронение мужчины в возрасте 40-60 лет. Позиция копий в погребальном сооружении установлена в 20 случаях: они найдены воткнутыми в стенку или в дно могильной ямы, положены па перекрытии, дне погребения или спрятаны в «тайнике». Обилие различных ситуаций расположения копий, их нестандартность позволяет предположить, что копьё несло особую знаковую функцию, которая подчеркивалась обращением с этой категорией инвентаря в ходе погребального обряда.

Крючки. Выборка состоит из 16 крючков (12 - «Синташта», 4 - «Потапово»). Все достоверные антропологические определения относятся к коллективным погребениям. Эти данные не позволяют с уверенностью связать крючки с какой-либо половозрастной группой. Позиция крючков относительно умершего человека зафиксирована в 6-ти погребениях. Выборка невелика, разнообразна и не позволяет сделать определенных выводов относительно традиции расположения этой категории инвентаря.

Ножи. Выборка состоит из 156 экземпляров (53 - «Покровск», 18 - «Потаповка», 83 - «Синташта»). Антропологические определения имеются для 55 погребений. В покровских памятниках ножи в основном выступали как атрибут мужчины (76%). Особенностью «Синташты» является относительно равномерное распределение ножей по половозрастным группам (33 % - мужчины, 26% - женщины, 41% - дети). Видимо, в синташтинском погребальном обряде ножи являлись категорией инвентаря, характерной для всех погребенных, независимо от их пола и возраста.

Ножи начальной поры эпохи поздней бронзы отличаются друг от друга по размеру (от 8 до 22 см). Для изучения их длины

использованы данные 89 экземпляров. Ножи из памятников синташтинского КТ в целом имеют меньшую длину, чем найденные в покровских погребениях. Возможно, что это связано со значительной степенью «сточенности» синташтинских экземпляров.

Установлено расположение 105 ножей (84 погребения). В «Синташте» и «Потапово» они чаще всего лежали возле верхней части туловища погребенного. Особенно ярко эта черта погребального обряда предстает при сравнении с позицией ножей в покровских могилах, где они, как правило, располагались в отдалении от костяка умершего человека. <

В 4 погребениях покровского КТ ножи находились вблизи от костей животных, из них в одном случае нож был воткнут в ребра, в другом - найден под костями животных. Эти ситуации, на наш взгляд, указывают на назначение ножа - служить столовым прибором.

Псалии. Выборка состоит из 80 предметов, обнаруженных в 40 погребениях (38 - «Синташта», 15 - «Потаповка», 27 - «Покровск»). Антропологические определения сделаны для 5 индивидуальных и 2 однородных коллективных могил. Обзор антропологического материала показывает, что псалии не всегда выступали как атрибут мужских захоронений, поскольку в двух случаях они находились вместе с останками женщин (Кривое Озеро 9/2, Танаберген II 7/23).

Позиция псалиев относительно умершего человека установлена в 21 могильной яме. Традиция расположения этих предметов «в головах» является яркой чертой синташтинского и потаповского погребального обряда. Она, с одной стороны, объединяет «Синташту» и «Потаповку», с другой - отделяет их от покровских памятников Поволжья, где псалии, как правило, лежали в ногах погребенных.

Наконечники стрел. Выборка включает 73 погребения (390 наконечников стрел). Данные антропологии (8 случаев) указывают на то, что стрелы, в основном, являлись атрибутом взрослых мужчин.

Во всех культурных группах наибольшее распространение получили небольшие колчаные наборы (от 1 до 5 экземпляров). Однако в «Синташте» большое значение имели и крупные наборы наконечников (свыше 10 экземпляров), в которых обнаружено более половины всех синташтинских наконечников стрел. В «Покровске» традиция использования в погребальном обряде крупных колчаных наборов выражена гораздо слабее.

И в синташтинских, и в покровских памятниках наибольшее распространение получили наборы, состоящие только из каменных экземпляров. Однако в «Покровске» значительное количество наборов имеют смешанный характер. Также необходимо отметить, что в памятниках Покровского типа обнаружены наборы только из костяных наконечников стрел. Комплексы такого рода ни разу не были зафиксированы в синташтинских погребениях. Здесь костяные и бронзовые изделия встречаются только вместе с наконечниками из кремня.

Позиция наборов наконечников стрел относительно погребенного зафиксирована в 40 случаях. Разнообразие в их расположении не позволяет выделить устойчивой «зоны», характерной для этой категории инвентаря.

Тесла. Выборка состоит из 31 экземпляра (26 - «Синташта», 1 - «Покровск», 4 - «Потапово»). Антропологические определения известны для 20 погребений. Их анализ позволяет предположить, что тесла являлись атрибутом погребенных мужского пола вне зависимости от возраста. Расположение предметов этой категории инвентаря достаточно разнообразно. Наиболее распространенная ситуация - тесло находится перед умершим человеком возле его черепа или груди (8 из 24 случаев).

Сравнительный анализ основных некерамических категорий инвентаря. Сходство между памятниками различных КТ проявляется в использовании в целом одних и тех же категорий погребального инвентаря. Так, 19 категорий инвентаря из 25 встречаются как в синташтинских, так и в покровских памятниках. Ведущей категорией во всех случаях являются бронзовые ножи. Очень мало обнаружено долот и бронзовых топоров.

В покровских погребальных памятниках инвентарь используется реже, чем в «Синташте» и «Потаповке». Частота использования погребального инвентаря (количество предметов па число захоронений) здесь в среднем составляет 1 случай на одно погребение (129 %), в то время как в памятниках потаповского и синташтииского КТ - 2 категории инвентаря на 1 погребение (соответственно, 219 и 229%).

Меньшая, чем в «Синташте», степень использования некерамического инвентаря в покровском погребальном обряде связана, в первую очередь, с фактически полным отсутствием ряда предметов, достаточно распространенных в погребениях синташтинского КТ. Так, в погребениях покровского типа отсутствуют находки колесниц и крючков, почти не представлены тесла. В синташтинских памятниках частота использования предметов этих категорий инвентаря составляет соответственно 6,51,4,65 и 8,83%.

В «Потапово» отсутствует только колесница. Частота использования тесел и крючков составляет 9,52%. Эти данные являются дополнительным аргументом для отнесения «Потапово» к кругу памятников близких синташтинскому КТ.

Отсутствие в памятниках покровского типа таких категорий инвентаря, как бронзовые тесла и бронзовые крючки, значительное сокращение использования бронзовых шильев, видимо, было связано с удаленностью «Покровска» от источников металла, расположенных в Южном Приуралье. Синташтинские памятники, напротив, находятся в непосредственной близости от рудных источников. Этим видимо, и объясняется большее чем в «Покровске» количество металлических изделий найденных в погребениях.

Глава 5. Кости животных. Специально рассматриваются 4 группы комплексов костей животных: захоронения колесничих лошадей, «жертвенники», «заупокойная пища» и захоронения собак.

При отборе костных остатков *колесничей лошади* из среды близкого остеологического материала использовались два критерия: первый - это захоронения двух особей; второй - выделенная группа должна коррелировать с другими элементами колесничем упряжи (псалиями и/или колесницей). Общая выборка составляет 42 случая такого рода. Кроме синташтинского, потаповского и покровского КТ в нее вошли также захоронения лошадей из покровских памятников бассейна Дона и погребений петровской и алакульской культур.

Результаты анализа позволяют выделить *четыре типа погребений колесничих лошадей*:

Тип А1. Черепа и конечности двух лошадей находятся в камере, как правило, вместе с псалиями и колесницей.

Тип А2. Черепа и конечности двух лошадей расположены на перекрытии. В погребении присутствует и другой колесничий инвентарь.

Тип Б1. Костяки двух лошадей расположены на перекрытии. В погребении изредка встречаются колесница и псалии.

Тип Б2. Два конских костяка лежат на погребённой почве или в отдельной яме. Колесница и псалии встречаются редко.

Область локализации типа А1 - Южное Зауралье. Типы А2 и Б1 встречаются в Южном Зауралье, на Ишиме и в Среднем Поволжье. Тип Б2 имеет два варианта - западный (Волго-Донской регион) и восточный (Казахстанский регион). Западный вариант отражает специфику покровской культуры, а восточный - петровской и алакульской культур. В западном варианте погребения лошадей находятся исключительно к югу от могильной ямы, как правило, вблизи её торцевой стенки, и ориентированы на юг. На востоке положение лошадей очень вариативно; однако, все они ориентированы на запад. Другие типы погребений лошадей этим культурам не свойственны. Типы А2 и Б1 встречаются достаточно широко - в петровской культуре, синташтинском и потаповском КТ. Особо следует отметить тип А1, который фиксируется только в синташтинских погребениях.

«Жертвенники», «Заупокойная нища» и захоронения собак.

Выделяются две группы остатков животных. В комплексы первой группы входят отдельные кости животных без черепа, как правило, расположенные на дне могильной ямы «в головах» погребенного. Видимо они представляют собой остатки заупокойной пищи. Комплексы второй группы состоят из черепов и других костей животных. Обычно они находятся в ногах погребенных: за пределами погребальной камеры в могильной яме в «Синташте» и «Потаповке»; и возле могилы в «Покровске». Вероятно, в этом случае кости животных отражают ритуалы, связанные с поминовением умершего в период между погребением и окончательным оформлением погребального сооружения.

Комплексы костей животных «Потаповки» и «Синташты» схожи между собой. В обоих КТ кости животных второй группы, как правило, располагаются в могильной яме на перекрытии, частота использования животных в погребальном обряде составляет более 60%; встречаются захоронения собак. В памятниках покровского КТ ситуация иная. Здесь «жертвенники» обычно находятся за пределами могильной ямы, кости животных зафиксированы только в каждом третьем погребении, а захоронения собак отсутствуют.

Динамика обряда. Синташтинские памятники являются центральным звеном традиции. Основной площадкой для захоронения животных здесь была могильная яма, куда помещались «жертвенники», погребения колесничих лошадей и захоронения собак. В целом, похожая модель фиксируется и на потаповских материалах, что говорит о культурном родстве этих образований и, возможно, их хронологической близости. Памятники покровского КТ демонстрируют периферийный и, возможно, более поздний этап этой традиции: количество приносимых в жертву животных уменьшается, упрощается обряд (с лошадьми почти не встречаются псалии и колесница, исчезают захоронения собак), «жертвенники» имеют другую локализацию. Теперь они укладываются, как правило, на древней поверхности.

Глава 6. Реконструкция погребального обряда и его интерпретация. Под погребальным обрядом мы понимаем *последовательность действий*, совершаемых коллективом для того, чтобы обеспечить «переход» умершего человека из мира живых в мир мертвых. Археологическим отражением этого ритуала является погребальный памятник, который представляет собой как бы застывший «след» проделанных когда-то операций.

Погребальный обряд Волго-Уральского региона начальной поры эпохи поздней бронзы характеризуется рядом *общих черт*, которые позволяют говорить о единстве основных стереотипов ритуала на всей этой огромной территории. Наиболее ярко общность стандартов проявляется в устройстве могильных ям (наличие трех близких типов), позе погребенных (основная - скорченно на левом боку), традиции размещения «жертвенников» животных (за пределами погребальной камеры, в ногах) и единых наборах сопроводительного инвентаря, а также формах обращения с ним.

Выделяются 4 набора сопроводительного инвентаря: «пищевой», вооружение, колесничий набор и набор женских украшений. «Пищевой» набор включал в себя сосуды, ножи и заупокойную пищу. Эти предметы располагались возле верхней части туловища погребенного. «Пищевой» набор был характерен как для взрослых, так и для детских захоронений (в погребениях детей он часто представлен только сосудами). Набор предметов вооружения состоял из наконечников стрел, копий и топоров. Наконечники стрел укладывались в колчане рядом с умершим человеком. Обращение с копьями подчеркивало их особую «знаковость» в погребальном ритуале (сокрытие наконечников копий в «тайниках», размещение их на перекрытии, втыкание в стенку или дно могильной ямы). Топоры, а также другие орудия, имеющие сходную рукоятку (булавы, топоры-тесла), укладывались возле лица погребенного. Колесничий набор включал в себя псалии, захоронения колесничих лошадей и собственно колесницу (для «Синташты»). С помощью этих элементов моделировалась запряжка, отдельные ее элементы занимали определенную позицию

относительно погребенного и были тесно связаны с его ориентировкой (в «Синташте» и «Потапово» они указывали на то же направление, что и ориентировка погребенного, в «Покровске» - в противоположную сторону). Набор женских украшений состоял из подвесок в 1,5 оборота, браслетов, украшенного бисером платья и ряда других менее используемых предметов. Все эти элементы погребального костюма располагались на теле.

Наряду с яркими общими чертами, погребальный обряд покровского и синташтинского КТ характеризуется не менее выразительными *особенностями*. «Сииташта» выделяется исключительным богатством сопроводительного инвентаря и «жертвенников», а также своеобразной идеей «коллективности», которая подчеркивалась в выборе места захоронения и организации всего погребального комплекса (частое использование коллективных некрополей и коллективных могильных ям). Покровский сопроводительный инвентарь и «жертвенники» беднее синташтинских, а в обращении с телом умершего человека отразился своеобразный «индивидуализм» покровского общества (высокое значение индивидуальных некрополей и индивидуальных могильных ям). Потаповский погребальный ритуал по своим основным характеристикам близок «Синташте» (коллективные курганы и погребения, частота использования некерамического инвентаря, наличие общих категорий предметов). Основные различия между ними связаны с колесничим комплексом: в потаповские могилы не устанавливалась колесница, есть захоронения колесничих лошадей на погребенной почве, длина могильных ям с псалиями составляет более трех метров. Указанные особенности потаповского погребального ритуала не характерны для «Синташты», что позволяет рассматривать потаповский погребальный обряд как вариант синташтинской традиции.

Формирование погребального обряда начальной поры эпохи поздней бронзы протекало под воздействием целого ряда факторов, среди которых можно выделить абашевское, сейминско-турбинское и синташтинское влияния. Характер их воздействия на сложение погребальной традиции различен. Абашевское влияние сильнее

всего отразилось на женском погребальном костюме и было связано с происхождением не только обряда, но и населения. Воздействие сейминско-турбинской культуры сказалось на формировании духовной парадигмы эпохи, где война становится культурно значимым фактором, оказывающим влияние на облик погребального обряда. Ярче всего оно отразилось на традиции использования в обрядовой практике предметов вооружения (захоронения наборов наконечников стрел, близкие формы обращения с наконечниками копий). Наиболее интенсивно процесс формирования новых стереотипов протекал в Южном Зауралье. Здесь появляется одна из основных новаций в сфере погребального обряда - захоронение колесничего набора, отсюда эта черта ритуала распространяется на другие территории.

Очень часто и погребальных памятниках отражена *социальная структура общества* (С. Renfrew, P. Bahn, 2000). Большинство исследователей считают, что для социальной организации синташтинского, покровского и потаповского КТ характерно наличие элиты (Бочкарев В. С., 1991, 1995; Зданович Д. Г., 1997; Малов Н. М., 1992; Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1992). Ее высокая роль отразилась в богатстве сопроводительного инвентаря, «жертвенниках» животных и устройстве погребального сооружения. Эти черты, ярко представляют погребальный обряд как своеобразный «ответ» социума на роль индивида в коллективе: чем выше значение человека, тем богаче, пышнее и своеобразнее погребальный обряд.

Синташтинские и покровские богатые захоронения отличаются друг от друга по количеству и разнообразию погребального инвентаря: «Синташта» богаче «Покровска»; кроме общего для эпохи набора вооружения, здесь часто встречаются инструменты (прежде всего, топоры-тесла). Подобные наблюдения позволяют говорить о сравнительно сложной структуре синташтинской элиты, которая, кроме военной функции, выполняла роль организатора крупных общественных работ (например, строительство регулярных поселений). Большая сложность структуры синташтинской элиты, по сравнению с «Покровском», отразилась и

на других чертах погребального обряда. Подчеркнутая в синташтинском ритуале идея коллективности свидетельствует о концентрации властных полномочий в руках сравнительно крупной группы людей, в то время как характерный для «Покровска» «индивидуализм» можно трактовать как свидетельство наличия в обществе отдельных «лидеров».

Кроме «социальной» составляющей погребального обряда в памятниках начальной поры эпохи поздней бронзы ярко отразилась и «*мифологическая*» сторона ритуала, связанная с оформлением «перехода» умершего человека на тот свет. Наиболее выразительно эта сторона погребального обряда представлена в элитных погребениях с колесницей.

Важной особенностью захоронений с колесницами в «Синташте», захоронений с псалями в «Покровске» и «Потапово» являются крупные размеры могильных ям, длина которых превышает 3 метра. Необходимо подчеркнуть, что, кроме собственно колесничего инвентаря, это единственная черта погребального обряда, которая маркирует «колесничие» захоронения на всем пространстве от Южного Урала до бассейна р. Дон.

В памятниках синташтинского типа колесничие элементы (в первую очередь, псалии) встречаются не только в погребениях крупных размеров, но и в могильных ямах средней величины. Эта черта погребального обряда указывает на то, что псалии, как и многие другие категории синташтинского погребального инвентаря, не были «маркерами» захоронений лиц только высокого статуса или определенного рода деятельности в пределах синташтинского элитного «клана», а выступали как «знаковые» престижные предметы в рамках всей синташтинской группы погребений.

Собственно захоронениями колесничих в синташтинских памятниках являются только те погребения, где фиксируются остатки колесниц. Именно в таких погребениях сконцентрированы другие колесничие элементы, которые в совокупности создают образ колесничей запряжки. Большие размеры могильной ямы

колесничих погребений синташтииского КТ обусловлены необходимостью установки в них колесницы.

Видимо, использование в погребальном обряде колесницы было связано с представлениями «синташтинцев» о посмертном путешествии умершего на тот свет. В свете концепции погребального ритуала, как одного из обрядов «перехода», умерший для «переправы» в загробное царство должен был использовать различные транспортные средства (лодку, коня, повозку) (А. Ван Геннеп, В. Пропп). Синташтинский погребальный обряд является яркой иллюстрацией такого рода представлений: все колесничие элементы и сам погребенный «связаны» в единый образ движущегося на колеснице человека.¹

Судьба этого образа в погребальном обряде культур, распространенных к западу от Уральского хребта, тесно переплетается с другими изменениями в погребальном ритуале. В покровских и потаповских памятниках колесница, как и некоторые другие дорогие категории инвентаря, полностью исчезает из погребального обряда. Роль «маркеров» колесничего погребения берут на себя другие, более дешевые элементы колесничей запряжки, в первую очередь, псалии. Расположение предметов этой категории инвентаря убедительно свидетельствует о стремлении «покровцев» и «потаповцев» сохранить синташтинский образ движущегося в повозке человека. Псалии занимают определенную зону в могильной яме и тесно связаны с ориентировкой погребенного. При этом следует отметить, что погребения с псалиями выделяются своими крупными размерами, которые не обусловлены необходимостью установки в могильную яму колесницы. Видимо, эта черта погребального ритуала является своеобразным типологическим рудиментом, указывающим на место происхождения колесничего обряда.

Заключительным звеном в распространении традиции использования колесничих элементов в погребальном обряде являются памятники покровского КТ бассейна лесостепного Дона. Псалии здесь находятся в различных местах погребального сооружения. Могильная яма, как правило, имеет крупные размеры,

а колесница отсутствует. Эти данные могут свидетельствовать в пользу) того, что от первоначального синташтинского «образа» в покровских погребениях Дона сохраняются лишь некоторые черты, в то время как представление о единстве этих черт полностью исчезает.

Заключение. Начало эпохи поздней бронзы было одним из переломных моментов в развитии скотоводческих обществ Восточной Европы. В это время на смену старым стереотипам погребального обряда приходят новые традиции, связанные с формированием военной «идеологии» и страты «воинов-колесничих». По всей видимости, данный процесс имел достаточно сложный характер. Погребальные памятники различных культурных групп при общей основе демонстрируют значительные расхождения практически во всех проанализированных чертах погребального обряда. Это указывает на нелинейность поиска, характер которого был обусловлен различной культурной средой и экономикой. Очевидно, что разработка «синташтинцами» металлоносных рудников Южного Зауралья позволила им стать лидерами в процессе формирования Волго-Уральского очага культурогенеза. Они оказали значительное влияние на облик покровского погребального обряда, с их миграцией в западном направлении, видимо, следует связывать появление потаповских памятников. В дальнейшем, при всей разности путей развития, погребальный обряд всех рассмотренных КТ имел схожую судьбу в алакульской и классической срубной культуре признаки военной элиты почти исчезают из погребений. В степях Восточной Европы элитные воинские захоронения появляются вновь лишь через тысячелетие у киммерийцев, скифов и савроматов. Они отмечают новый виток культурно-исторического развития, характеризующийся интенсивными связями с цивилизациями Ближнего Востока и Древней Грецией. Скорее всего именно в этих условиях были заложены основы экзополитарных образований, получивших, согласно исследованиям П. И. Крадина (2000, 2001) название «кочевых империй».

*Список работ опубликованных автором по теме
диссертации*

Черленок Е. Л. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана // *Stratum plus*. №2. Кишинев. 2000. С. 346-349.

Черленок Е. Л. Колесничая запряжка в погребальном обряде (начало эпохи поздней бронзы евразийских степей) // *Вестник молодых ученых*. №1. С-Пб. 2001. С. 22-29.

Черленок Е. А. О функции копий в погребальном обряде (на материалах культур начала эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона) // *Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье)*. Кемерово. 2003. С. 165-168.

Черленок Е. А. О расположении псапиев в погребениях Потаповского и Утевского могильников // *Альманах молодых археологов*. С-Пб. 2004. С. 54-59.

Подписано в печать 11.04.05. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ № 37.

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С-Петербург, Средний пр., 41.

22 APR 2005

1830